

УДК 338.48-6:930.85

ББК 71.46

DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-4-348-357

Е.Д. БУГРОВА, Н.Б. КИРИЛЛОВА

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК РЕСУРС MEMORY STUDIES

Екатерина Дмитриевна Бугрова,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,
старший преподаватель
Мира ул., д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия

ORCID 0000-0001-9304-1327; SPIN 9311-7978

ekaterina.bugrova@urfu.ru

Наталья Борисовна Кириллова,

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра культурологии
и социально-культурной деятельности,
заведующая кафедрой
Мира ул., д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия

доктор культурологии, профессор

ORCID 0000-0002-9187-7080; SPIN 5004-0339

urfo@bk.ru

Реферат. Статья посвящена осмыслению туризма как важного инструмента сохранения культурно-исторического наследия и трансляции коллективной памяти. Культурно-историческое наследие (как материальное, так и нематериальное) является фактором укрепления национальной идентичности и поддержания коллективной памяти, будучи одновременно одним из основных

туристских ресурсов, позволяющих соприкоснуться с историей и культурой. Изучение феномена туризма с точки зрения *memory studies* наглядно демонстрирует, что непосредственное посещение туристами значимых исторических мест, обладающих высоким уровнем символического капитала, способствует лучшему восприятию заложенных в них образов прошлого, а полученные впечатления и переживания помогают не только запомнить информацию, но и ощутить собственную принадлежность к определенной культуре. На примере объектов, важных в контексте глобальной и локальной истории, таких как музей-заповедник «Сталинградская битва» (Волгоград), государственный музей Аушвиц-Биркенау (Освенцим) и Мемориальный музей мира (Хиросима), показано, как места памяти становятся популярными объектами туризма, при этом не подвергаясь чрезмерной коммодификации и коммерциализации. Следовательно, целенаправленный подход к позиционированию культурно-исторических объектов и работа с нишевыми видами туризма, отражающими особенности конкретных мест памяти, дают возможность развивать туризм в качестве одной из ключевых форм актуализации прошлого. Это способствует привлечению широкой аудитории к познанию своей истории через взаимодействие с аутентичными объектами, а не исключительно посредством развлекательных массмедиа, а также снижает риск утраты культурно-исторического наследия, что

позволяет рассматривать отдаленные от крупных культурных центров территории как перспективные направления.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, коллективная память, идентичность, туризм, места памяти, актуализация прошлого, memory studies, прикладная культурология, культурная политика, культурные практики.

Для цитирования: Бугрова Е.Д., Кириллова Н.Б. Культурно-познавательный туризм как ресурс memory studies // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 4. С. 348–357. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-4-348-357.

Сохранение культурно-исторического наследия как одного из основных элементов коллективной памяти — одна из актуальных тем современных исследований. В эпоху глобализации выявление и упрочение национальной и локальной идентичностей становятся необычайно востребованными. Л.В. Кошман отмечает, что «национальное наследие, в котором заключена историческая память народа, — это самоидентификация, культурный код нации» [1, с. 8]. В Оперативном руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО подчеркивается, что культурное наследие представляет собой бесценное и незаменимое достояние не только каждой конкретной нации, но и человечества в целом, а некоторые его составляющие (и материальные, и нематериальные) могут рассматриваться как обладающие универсальной ценностью [2, р. 2].

Большое значение в формировании коллективной памяти, помимо сохранения культурно-исторического наследия, имеет доступность его объектов, ведь именно посещая подобные объекты можно соприкоснуться с историей и культурой, совершить своего рода путешествие во времени. Эффективным инструментом привлечения внимания к национальному наследию, памятным событиям истории того или иного народа в современном обществе становится индустрия туризма. На значимость туризма в вопросах сохранения и развития культурно-исторического наследия указывают и документы ЮНЕСКО: организация реализует проект «Всемирное наследие и устойчивый туризм», в рамках которого были разработаны «пошаговые путеводители» для руководителей объектов Всемирного наследия, призванные помочь эффективно использовать преимущества туристической деятельности и минимизировать ее негативные последствия [3]. В рамках указанного проекта разрабатываются и развиваются разно-

образные тематические маршруты, например связанные с индустриальным наследием («Подземная Европа») или религиозным (маршрут буддийского наследия в Южной Азии). Таким образом, сфера туризма и вопросы культурного наследия сегодня оказываются тесно связаны: культурно-исторические объекты являются важнейшими туристскими ресурсами, а развитие туризма позволяет широкой аудитории лучше узнать локальную историю и культуру, а также способствует получению дополнительной прибыли для поддержания этих объектов. Кроме того, постоянная потребность выводить на туристский рынок новые направления дает возможность обратить внимание общественности не только на крупные культурные центры, но и на отдаленные территории, что может помочь в решении ряда проблем, связанных, например, с такими социокультурными угрозами, как утрата локальных памятников культурно-исторического наследия, способная привести в конечном счете к утрате национальной и культурной идентичности [4].

Однако поддерживаемая ЮНЕСКО концепция устойчивого развития туризма, учитывающая интересы и прибывающей, и принимающей стороны в разных аспектах (экономическом, экологическом и, разумеется, социокультурном), выглядит несколько утопичной, если принимать во внимание гетерогенность туристических культурных аттракций и необходимость учитывать особенности каждого объекта при планировании его развития, в том числе и как туристического. Соответственно, важной целью является исследование культурно-познавательного туризма как явления, носящего амбивалентный характер в вопросах сохранения объектов культурного наследия, включая места памяти.

НАСЛЕДИЕ. ПАМЯТЬ. ТУРИЗМ

Индустрию туризма зачастую рассматривают исключительно как перспективную отрасль экономики, способную создавать масштабные туристско-рекреационные кластеры, хотя многочисленные туристические практики во многом связаны непосредственно со сферой культуры и попадают в фокус культурологических и социологических исследований. Известный британский социолог Дж. Урри, посвятивший ряд своих работ изучению досуга и туризма как социокультурных явлений, указывает, что «принадлежность к культуре почти всегда предполагает путешествие» [5, с. 145]. Будучи неотъемлемой частью культуры, инструментом ее поддержания и развития, путешествия обретают различные формы, включая посещение сакральных мест и мест,

связанных с важными историческими событиями или личностями и т. д.; мотивацией для поездок часто выступает желание познакомиться с другими культурами или прочувствовать собственную культурную принадлежность. Урри подчеркивает, что туризм дает возможность путешествовать не только в пространстве, но и во времени — в прошлое, что, в свою очередь, делает эту сферу интересной и для изучения с точки зрения memory studies [5] как междисциплинарного направления, позволяющего исследовать феномен памяти с позиций различных наук — истории культуры, социологии, философии, антропологии, психологии и др.

Современные работы, связанные с memory studies, опираются на ставшие уже классическими труды М. Хальбвакса [6], продемонстрировавшего, что воспоминания являются социальным конструктом и передаются из поколения в поколение, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера [7], А. Бергсона [8], П. Рикёра [9], Ж. Ле Гоффа [10]. В вопросах изучения памяти в культурологическом контексте особую роль играют работы Я. Ассмана [11] и А. Ассман [12], изучающие концепт культурной памяти, а также П. Нора [13], введшего в обиход понятие «место памяти».

Исследователи в области memory studies на протяжении последних лет обращают внимание на формирование новой мемориальной парадигмы, во многом вызванной различными кризисами — *информации* (накоплением чрезвычайно большого объема разнообразных данных), *традиций* (страхом утраты памяти поколений) и, наконец, глобальным *кризисом идентичности* [14, с. 5]. Это заметно влияет на функционирование коллективной памяти, играющей значимую роль в самоопределении — и индивидуальном, и групповом [15, с. 74–75]. В работах, посвященных проблемам памяти и идентичности, указывается на то, что память по факту является неким конструктом, создающимся и транслирующимся с помощью определенных средств, соответственно, она изменчива [16, с. 33]. В разное время могут актуализироваться разные нарративы, выступающие в роли своеобразных маркеров, важных для идентификации того или иного сообщества. Инструменты, посредством которых транслируются эти «памятные» нарративы, также постоянно трансформируются в соответствии с развитием различных форматов медиа, ростом их популярности.

Таким образом, для современных практик символизации прошлого характерна, по мнению Н.Г. Федотовой, масштабная «медиатизация памяти» [17, с. 360]. Все чаще исследования фиксируют снижение роли специальной исторической литературы и профессиональных историков в формировании представлений о прошлом, на первый

план выходят массмедиа — все больше людей узнает об истории и культуре своей страны из кино-, теле- и видеофильмов [18, с. 105; 19]. В таком контексте история и память, а также культура в целом превращаются в товар широкого потребления, они представлены скорее как своеобразный аттракцион, нежели инструмент трансляции коллективной памяти. История и культура все чаще сталкиваются сегодня с проблемами «диснейфикации» и «голливудизации», подвергаясь тривиализации, низводящей любое культурно-историческое наследие до некоего упрощенного штампа, коммерческого продукта, удобного для быстрого внедрения на рынок туристических услуг и производства сувениров [20]. Избежать такого негативного эффекта можно, грамотно сближая «туристическую» версию истории и культуры, часто ассоциирующуюся с доминированием развлекательной составляющей, с «профессиональной» версией, в основе которой лежат просветительская и образовательная функции.

И здесь чрезвычайно важным становится непосредственный факт посещения туристами мемориальных мест — мест, которые могут возвращать те или иные события прошлого в настоящее [12, с. 236]. Такое место воспринимается как аутентичное, соответственно, складывающиеся вокруг него нарративы о прошлом кажутся более объективными, в отличие от нарративов поп-медиа и развлекательного кинематографа, а потребность в путешествиях по таким местам памяти, как отмечает А. Ассман, существует еще с античных времен [12, с. 237].

Известный писатель Г.Р. Хаггард, описывая в травелоге свои впечатления о посещении Помпей в 1900 г., обратил внимание на то, что человеческое воображение довольно слабо и не может работать без своеобразных «костылей» — реальных объектов из прошлого: «Здесь есть костыли, здесь много свидетельств об усопших. Мы видим хлеб, который они испекли, безделушки, которые они купили. Удовольствия, к которым они так отчаянно стремились... суеверия, перед которыми они испытывали страх, здесь записаны в каждом разрушенном камне. Таким образом, с помощью этих полезных подпорок-доказательств они приближаются к нам, а мы к ним» (здесь и далее перевод наш. — Е. Б., Н. К.) [21, р. 47]. Такое эмоциональное погружение пробуждает эмпатию, дает возможность получить уникальный опыт, помогающий воспринять, запомнить, прочувствовать историю места, проникнуться ею: «Но камень, выдолбленный руками мертвеца, ах! Это будоражит. Мы думаем, что если бы мы жили тогда, то это наши ладони могли бы стереть край каменного водостока, и постигаем, и сожалеем» [21, р. 47]. Наконец, все это так же заставляет задуматься о том, какой след, какую память о себе

оставит сегодняшнее поколение: «Под знаком этого яркого примера мы помним, что и мы оставляем слабые следы на тех камнях, по которым нам суждено идти и с которыми нам приходится взаимодействовать. Есть и другие, более незаметные следы на вещах неосознанных, но реальных, на которые будущие поколения будут смотреть тусклыми и непонимающими глазами... Это знание вызывает у нас сочувствие, по крайней мере, я так думаю» [21, р. 47–48].

Это наблюдение Г.Р. Хаггарда наглядно иллюстрирует, насколько важны с точки зрения сохранения истории и культуры места памяти. По мнению П. Нора, места памяти — это обладающие символическим значением объекты, основное содержание которых — память; «всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [13, с. 78–79]. К таковым местам П. Нора относит все туристические места в их многообразии, музеи, события и собственно мемориалы, кладбища и т. д. [13, с. 47]. Таким образом, места памяти являются основой культурно-познавательного туризма, но при этом взаимодействовать с этими объектами можно и в рамках различных нишевых, альтернативных видов туризма, смежных с культурно-познавательным туризмом (например, в рамках этнокультурного, событийного, патриотического, ностальгического, индустриального туризма, dark-туризма). Все эти виды туризма в целом можно рассматривать как один из перформативных актов, в ходе которого представления о прошлом передаются на разных уровнях и переживаются эмоции, «способствующие лучшему восприятию и запоминанию транслируемых образов и смыслов» [22, с. 71].

Вместе с тем важно отметить, что привлечение большего числа людей к тому или иному памятнику культуры и месту памяти несет, в частности, позитивный характер (создание новых рабочих мест, получение средств на содержание объекта за счет увеличения турпотока и, соответственно, продаж билетов, сувениров и т. д.). Но при этом появляются и специфические негативные последствия, игнорирование которых может привести к фатальным результатам, в том числе к изменению восприятия объекта культурного наследия и изменению памяти, которую он хранит. Таким образом, туризм, рассматриваемый сегодня как действенный инструмент трансляции памяти о тех или иных событиях, может превратиться в инструмент, дестабилизирующий устоявшиеся нарративы. Особенно важно учитывать негативные последствия туризма в осмыслении объектов культурного наследия, обладающих особой, символической значимостью.

МЕСТА ПАМЯТИ КАК ОБЪЕКТЫ ТУРИЗМА

Мощными аттракторами для разных категорий туристов становятся памятники, наделенные уникальным символическим капиталом. Особую значимость в контексте коммеморации обретают объекты, обладающие аутентичностью и историкоцентричностью, т. е. расположенные непосредственно на месте события и ориентированные на сохранение как собственно объекта, так и памяти о произошедшем. В основном это мемориалы, музеефицированные объекты и музейные комплексы, включающие исторические памятники и являющиеся своего рода универсальными символами. Таким образом, можно утверждать, что в подобных случаях сама память о событии становится культурно-историческим наследием, наделяет объекты таким статусом.

Например, в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО входят концлагерь Освенцим (Аушвиц-Биркенау, Польша; внесен в список под № 31 в 1979 г.) и Мемориал мира в Хиросиме (также известный как Купол Генбаку, Япония; внесен в список под № 775 в 1996 г.)¹. Оба объекта на официальном сайте Всемирного наследия ЮНЕСКО представлены как символы: Аушвиц — символ «человеческой жестокости по отношению к себе подобным» [24], а Мемориал мира — «яркий и мощный символ самой разрушительной силы, когда-либо созданной человечеством» [25]. И Аушвиц-Биркенау, и Купол Генбаку включены в список Всемирного наследия по одному критерию (vi), подразумевающему прямую или осязаемую связь «с событиями или живыми традициями, с идеями или верованиями, с художественными и литературными произведениями, имеющими выдающееся мировое значение», хотя обычно этот критерий используется в сочетании с другими [26].

Интересно, что советские буклеты-путеводители 1970-х гг. уже отмечали Освенцим (город, «название которого стало во всем мире синонимом жестокости и нечеловеческих страданий» [27]) как место, рекомендуемое для посещения туристами, приезжающими в Польшу: «...экспонаты музея, который находится на территории бывшего лагеря, и уцелевшие бараки рассказывают о преступлениях фашистов так, как не смогли бы рассказать сотни книг» [27]. По данным ежегодных отчетов о посещаемости мировых достопримечательностей Theme Index and Museum Index Reports, подготовленных транснациональной консалтинговой ком-

¹ Объект был внесен в список, несмотря на возражения со стороны КНР и США, указывающих на отсутствие исторического контекста в репрезентации объекта, при этом оба государства понимали под историческим контекстом разные аспекты [23].

панией АЕСОМ и Ассоциацией тематических развлечений (ТЕА), с 2018 г. Государственный музей Аушвиц-Биркенау входит в число 20 самых посещаемых музеев Европы [28], всего же за последние пять лет в Аушвице-Биркенау побывало более 6 млн человек, туристический поток постепенно восстанавливается после ограничений, вызванных пандемией COVID-19: 2,3 млн посетителей в 2019 г., 502 тыс. — в 2020 г., наконец, 1,7 млн в 2023 г. [28; 29]. Мемориальный музей мира в Хиросиме ежегодно привлекает более 1,7 млн туристов [30]. Можно заключить, что интерес аудитории к подобным мемориалам высок и стабилен.

Следует упомянуть об активности Государственного музея Аушвиц-Биркенау в медиапространстве, связанной с оценками тех или иных произведений массовой культуры, например книг или фильмов, действие которых разворачивается в нацистских концлагерях. Широкое освещение в СМИ получила критика таких популярных книг, как «Мальчик в полосатой пижаме» Дж. Бойна и «Татуировщик из Освенцима» Х. Моррис. По мнению представителей музея, в частности сотрудников исследовательского центра при музее, эти художественные произведения сильно искажают факты и формируют неверные представления об истории, следовательно, не могут быть рекомендованы для чтения тем, кто изучает или преподаёт историю холокоста².

В контексте отечественной истории таким объектом наследия, несомненно, является Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» в Волгограде, в состав которого включены историко-мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане (с 2014 г. — кандидат на внесение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как «символ героизма и патриотизма советского народа и дань памяти погибшим в великой битве на Волге, самом значимом сухопутном сражении в истории человечества, ставшем переломным моментом во Второй мировой войне» [32]), музей-панорама «Сталинградская битва», возведённый на историческом месте высадки в сентябре 1942 г. 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А.И. Родимцева, исторический заповедник — руины мельницы им. Грудина, в которой находился наблюдательный пункт командира гвардейского стрелкового полка И.П. Елина (кроме того, неподалёку находятся дом Павлова, Стена Родимцева и БК-13), и музей «Память», расположенный в подвальной части здания Центрального универмага, где размещался штаб немецкой армии

и где 31 января 1943 г. сдался в плен генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс³.

Великая Отечественная война занимает особое место в коллективной памяти жителей России, воплощая культурный код прошлого, настоящего и будущего страны [33] и представляя собой сложившийся образ, определяемый в русскоязычной картине мира как «подвиг народа» и «священная война» [34]. Исследования показывают, что для всех основных возрастных групп победа в Великой Отечественной войне представляется важнейшим фактом XX в., память о котором должны хранить последующие поколения, и воспринимается как центральное в коллективной памяти россиян событие [35], а Волгоградская область — регион, который ассоциируется в первую очередь именно с Великой Отечественной войной в целом и Сталинградской битвой в частности. Память об этом сражении прочно вписана в социокультурное пространство Волгограда [36, с. 406–407]. Это событие воспринимается значимым не только в России, о чем свидетельствуют коммеморативные урбанизмы в разных странах. Например, по данным сервисов «Google Карты» и «Яндекс Карты», площадь Сталинградской Битвы и станция метро «Сталинград» есть в Париже (Франция), площади и улицы, названные в честь Сталинграда, существуют в Бордо, Лионе, Реймсе, Лиможе, Гренобле, Ницце, район Сталинград в Дижоне и др. Проспект Сталинграда есть и в историческом центре Брюсселя (Бельгия), иногда название в качестве неофициального используют для всего прилегающего района.

Без сомнения, музей-заповедник «Сталинградская битва» обладает всеми основными приметами места памяти — это и собственно место сражения, и мемориал, отличающиеся исключительным уровнем символизма, и музей, и своего рода иммерсивная инсталляция (панорама). Именно здесь можно наблюдать максимальное сближение истории и памяти, ориентированное на широкую аудиторию, которое позволяет представлять объект и как важнейшее мемориальное место локального и глобального уровня, и как место притяжения туристов, внутренних и въездных, со всей необходимой инфраструктурой и ресурсами для посетителей. В 2023 г. музей-заповедник «Сталинградская битва» стал вторым по посещаемости музеем России, приняв 3,6 млн посетителей и обогнав по этому показателю даже Эрмитаж⁴.

Отметим, что подобные места не только транслируют сложившиеся нарративы, но и генериру-

³ Музей-панорама «Сталинградская битва» (<https://stalingrad-battle.ru/about/>).

⁴ Музей-заповедник «Сталинградская битва» занял второе место по посещаемости в России // «Смотрим»: медиаплатформа. 17.01.2024. URL: <https://smotrim.ru/article/3757041> (дата обращения: 02.07.2024).

² См., например, публикации издания The Guardian (<https://www.theguardian.com/international>) по теме или исследование В. Витек-Малицкой [31].

ют собственные, обусловленные такими факторами, как уже обозначенные ранее аутентичность и историкоцентричность. Места, непосредственно связанные с наделенными особым символическим смыслом событиями, обладают своей уникальной атмосферой, вызывающей специфические эмоции и переживания. Они не исключены из окружающей среды, не превращены в экспонаты, воспринимающиеся обособленно и отвлеченно. Можно сказать, что такие места памяти обладают своей собственной памятью — памятью места, по выражению Д. Тригга [37], следовательно, они дают необходимый материальный фон для погружения в соответствующий концептуальный культурно-исторический контекст.

Связь собственно места с событием и тем, как это событие представлено в коллективной памяти, создает эффект своего рода удвоения памяти — имеющиеся аутентичное пространство с реальными сохранившимися объектами и знания о том, что именно здесь случилось, позволяют посетителям почувствовать себя в некоторой степени свидетелями происходившего и получить собственные воспоминания, встраиваемые в общий нарратив.

Материальное воплощение памяти и взаимодействие с ним помогает конструированию национальной идентичности, пониманию и своеобразному (со)переживанию туристами знаковых, символических моментов глобальной и локальной истории.

Успешное развитие рассмотренных выше локаций в качестве популярных туристических объектов все же заставляет обратить внимание на ряд потенциальных угроз. Большой туристический поток требует определенной инфраструктуры, которая зачастую не может быть обустроена на подобных объектах ввиду необходимости сохранения их исторического облика. Подобные объекты не могут обладать абсолютной физической доступностью, а при создании цифровых двойников теряется один из важнейших элементов — особая атмосфера аутентичности, способствующая ощущению присутствия, восприятию истории и, соответственно, памяти. Эффект «сверхтуризма», когда ту или иную локацию посещает чрезмерно большое число людей, может не только повлиять на восприятие места памяти, но и привести к чрезмерной нагрузке на объект, провоцировать неуместное для таких пространств поведение, особенно в случаях, когда место памяти связано с разным восприятием событий для прибывающих туристов, как, например, коммеморативное пространство периода Первой мировой войны на Галлипольском полуострове (Турция). Кроме того, влияние медиасферы и наделение места особым статусом (как объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО) зачастую вызывает повышенный интерес аудитории к нему, оставляя вне внимания туристов схожие, близкие по тематике объекты, обла-

дающие своей уникальной историей, которые тоже представляют собой места памяти. Например, ни один из мемориальных музеев, расположенных на местах бывших нацистских концентрационных лагерей в Польше, не является столь же посещаемым, как Аушвиц-Биркенау.

ПАРАДОКС «ИЗБЫТОЧНОЙ ПАМЯТИ»

Существующие формы туризма позволяют сегодня включать в качестве ресурса самые разные объекты культурно-исторического наследия. Помимо классического культурно-познавательного направления активно развиваются смежные с ним альтернативные виды, в том числе не только развлекательного толка или касающиеся определенных хобби. Например, так называемый dark-туризм, подразумевающий посещение мест, связанных или ассоциирующихся с трагедиями и смертью, включает в себя объекты, часто не воспринимаемые как значимый туристический ресурс, такие как места сражений, катастроф, мемориалы. Тем не менее подобные объекты способны превратиться в якорные точки на туристической карте того или иного региона и привлечь туда туристов, поскольку именно такое наследие нередко наиболее тесно связано с историей, имеет большое влияние на локальные культуру и идентичность, обладает значимым символическим капиталом.

А. Ассман справедливо указывает на то, что атмосферу многих «травматических» мест можно прочувствовать, только побывав там [12]. Соприкосновение с разной историей делает туризм важнейшим инструментом, способствующим не только сохранению собственно объекта, но и трансляции культурной памяти. Работа с нишевыми видами туризма способствует развитию объектов культурно-исторического наследия в соответствии со спецификой каждого из них, позволяя избежать стихийной коммодификации, ведущей к восприятию локальных культур и их истории исключительно как продукта или аттракциона.

Таким образом, места памяти, включая и их репрезентацию в медиасфере, дают возможность людям увидеть своими глазами свидетельства прошлого, актуализировать его в общественном и индивидуальном сознании. Особую роль здесь играет эмоциональная составляющая, усиливающая восприятие истории. Тем не менее нельзя отрицать и тот факт, что чрезмерный туристический интерес может не только способствовать трансляции важных памятных нарративов, но и размывать их, акцентируя внимание широкой аудитории на отдельных объектах и, соответственно, конкретной истории, фокусируя внимание лишь на одном воспоминании из многих.

Список источников

1. Кошман Л.В. Культурное наследие как фактор исторической памяти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 5. С. 7–15.
2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention // UNESCO. World Heritage Convention. 24 September 2023. 182 p. URL: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 04.07.2024).
3. Sustainable Tourism Toolkit // UNESCO. World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/sustainabletourismtoolkit/> (дата обращения: 04.07.2024).
4. Великая Н.М. Культурное развитие малых и средних городов России как фактор сохранения национальной идентичности // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 3. С. 240–253. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-3-240-253.
5. Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: Современные западные исследования / пер. с англ. ; отв. ред. и предисл. В.В. Зверевой ; послесл. В.А. Подороги. Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136–150.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. Москва : Новое издательство, 2007. 348 с.
7. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 324 p.
8. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с франц. М. Булгакова, А. Баулер, Б.С. Банковского, В. Флеровой, И. Гольденберга. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
9. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с франц. К.З. Акупяна. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.
11. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
12. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
13. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с франц. Д. Хапаевой. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
14. Шуб М.Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4–11. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11.
15. Шуб М.Л. Мемориальная идентичность в структуре локальной идентичности жителей промышленных городов Южного Урала // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 2. С. 72–87. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_72.
16. Васильев А.Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. Москва : Совпадение, 2012. С. 29–57.
17. Федотова Н.Г. Культурная память города: современные практики символизации прошлого // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 4. С. 352–364. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-352-364.
18. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке. Москва : Совпадение, 2012. С. 95–114.
19. Николаи Ф.В. Культурная память в обществе потребления: взгляд М. Стёкен // Диалог со временем. 2014. Вып. 47. С. 251–256. URL: <https://roii.ru/r/1/47.17> (дата обращения: 04.07.2024).
20. Cole T. Selling the Holocaust: From Auschwitz to Schindler : How History is Bought, Packaged and Sold. New York : Routledge, 1999. 214 p.
21. Haggard H.R. A Winter Pilgrimage : Being an Account of Travels through Palestine, Italy, and the Island of Cyprus, Accomplished in the Year 1900. London ; New York ; Bombay : Longmans, Green, and Co., 1901. 355 p.
22. Головашина О.В. Назад к представлениям: в поисках оснований для коллективной памяти // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 59–83. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-59-83
23. Inscription: Hiroshima Peace Memorial (Genbaku Dome) (Japan) : Decision 20 COM VIII.C // UNESCO. World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2997/> (дата обращения: 04.07.2024).
24. Auschwitz Birkenau German Nazi Concentration and Extermination Camp (1940–1945) // UNESCO. World Heritage Convention. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/31> (дата обращения: 04.07.2024).
25. Hiroshima Peace Memorial (Genbaku Dome) // UNESCO. World Heritage Convention. 6 August 2018. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/775> (дата обращения: 04.07.2024).
26. The Criteria for Selection // UNESCO. World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/criteria/> (дата обращения: 04.07.2024).
27. Посетите Польшу / Главное управление по иностранному туризму при Совете министров СССР. Москва : Внешторгиздат, [б. г.]. № 17126.
28. Theme Index Report 2022 // AECOM. URL: <https://aecom.com/theme-index/> (дата обращения: 04.07.2024).
29. News. 1 million 670 thousand people visited the Memorial in 2023. 03.01.2024 // Memorial and Museum Auschwitz Birkenau. Former German Nazi Concentration

- and Extermination Camp. URL: <https://www.auschwitz.org/en/museum/news/1-million-670-thousand-people-visited-the-memorial-in-2023,1663.html> (дата обращения: 04.07.2024).
30. Hiroshima Peace Memorial (Atomic Bomb Dome) // Japan National Tourism Organization. URL: <https://www.japan.travel/en/spot/2202/> (дата обращения: 04.07.2024).
 31. Witek-Malicka W. Fact-checking “The Tattooist of Auschwitz” // Memoria : Memory. History. Education. 2018. № 14. P. 6–17. URL: <https://viewer.joomag.com/memoria-en-no-14-11-2018/0766192001543510530> (дата обращения: 04.07.2024).
 32. Mamayev Kurgan Memorial Complex “To the Heroes of the Battle of Stalingrad” // UNESCO. World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5936/> (дата обращения: 04.07.2024).
 33. Андреева О.В. Великая Отечественная война в исторической памяти России // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX — начала XXI в. : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 28 сентября 2018 г.). Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 5–11.
 34. Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 20 с.
 35. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76–82.
 36. Дулина Н.В. Культурная память как механизм идентификации в социокультурном пространстве города (на примере г. Волгограда) // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.). Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. С. 404–408.
 37. Trigg D. The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny. Athens : Ohio University Press, 2012. 347 p.

Cultural Tourism as a Resource for Memory Studies

Ekaterina D. Bugrova^a, Natalia B. Kirillova^b

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19 Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia

^a ORCID 0000-0001-9304-1327; SPIN 9311-7978; ekaterina.bugrova@urfu.ru

^b ORCID 0000-0002-9187-7080; SPIN 5004-0339; urfo@bk.ru

Abstract. *The article is devoted to the comprehension of tourism as an important tool for the preservation of cultural and historical heritage and the transmission of collective memory. Cultural and historical heritage (both tangible and intangible) is a factor in strengthening national identity and maintaining collective memory, being at the same time one of the main tourist resources that allow us to get in touch with history and culture. The study of the phenomenon of tourism from the perspective of memory studies clearly demonstrates that the direct visit of tourists to significant historical sites with a high level of symbolic capital contributes to a better perception of the images of the past embedded in them, and the impressions and experiences help not only to remember the information, but also to feel their own belonging to a certain culture. The example of sites important in the context of global and local history, such as the Battle of Stalingrad Museum-Reserve (Volgograd), the Auschwitz-Birkenau State Museum (Auschwitz)*

and the Hiroshima Peace Memorial Museum, shows how places of memory become popular tourist destinations without being overly commodified and commercialized. Consequently, a targeted approach to the positioning of cultural and historical sites and working with niche types of tourism that reflect the characteristics of specific places of memory provide an opportunity to develop tourism as one of the key forms of actualizing the past. This helps to attract a wide audience to learn about their history through interaction with authentic sites, rather than solely through entertainment media, and also reduces the risk of loss of cultural and historical heritage, which makes it possible to consider areas remote from major cultural centers as promising destinations.

Key words: cultural and historical heritage, collective memory, identity, tourism, places of memory, actualization of the past, memory studies, applied cultural studies, cultural policy, cultural practices.

Citation: Bugrova E.D., Kirillova N.B. Cultural Tourism as a Resource for Memory Studies, *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 4, pp. 348–357. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-4-348-357.

References

1. Koshman L.V. Cultural Heritage as a Factor of Historical Memory, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 2011, no. 5, pp. 7–15 (in Russ.).
2. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, *UNESCO. World Heritage Convention*. 2023, September 24, 182 p. Available

- at: <https://whc.unesco.org/en/guidelines/> (accessed 04.07.2024).
3. Sustainable Tourism Toolkit, *UNESCO. World Heritage Convention*. Available at: <https://whc.unesco.org/en/sustainabletourismtoolkit/> (accessed 04.07.2024).
4. Velikaya N.M. Cultural Development of Small and Medium-Sized Cities of Russia as a Factor of Preserving National Identity, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2021, vol. 18, no. 3, pp. 240–253. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-3-240-253 (in Russ.).
5. Urry J. Globalising the Tourist Gaze, *Massovaya kul'tura: Sovremennye zapadnye issledovaniya* [Mass Culture: Modern Western Studies]. Moscow, Fond Nauchnykh Issledovaniy "Pragmatika Kul'tury" Publ., 2005, pp. 136–150 (in Russ.).
6. Halbwachs M. *On Collective Memory*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo Publ., 2007, 348 p. (in Russ.).
7. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2013, 324 p.
8. Bergson H. *Creative Evolution. Matter and Memory*. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 1408 p. (in Russ.).
9. Ricoeur P. *Memory, History, Forgetting*. Moscow, Izdatel'stvo Gumanitarnoi Literatury Publ., 2004, 728 p. (in Russ.).
10. Le Goff J. *History and Memory*. Moscow, Rossiiskaya Politicheskaya Ehntsiklopediya Publ., 2013, 303 p. (in Russ.).
11. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, 368 p. (in Russ.).
12. Assmann A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018, 328 p.
13. Nora P., Ozouf M., Puymège G., Winock M. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 1999, 328 p.
14. Shub M.L. Social, Collective, and Cultural Memory: A New Approach to the Definition of the Semantic Borders of Concepts, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no. 1, pp. 4–11. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-1-4-11 (in Russ.).
15. Shub M.L. Memorial Identity in the Local Identity Structure of Industrial Cities Residents in the Southern Urals, *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 72–87. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_72 (in Russ.).
16. Vasiliev A.G. Cultural Memory/Forgetting and National Identity: Theoretical Foundations of the Analysis, *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural Memory in the Context of Russian National Identity Formation in the 19th Century]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2012, pp. 29–57 (in Russ.).
17. Fedotova N.G. City's Cultural Memory: Modern Practices of Symbolizing the Past, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2021, vol. 18, no. 4, pp. 352–364. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-4-352-364 (in Russ.).
18. Astafyeva O.N. Historical Memory as a Resource of Cultural Policy and the Formation of a Collective Identity, *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural Memory in the Context of Russian National Identity Formation in the 19th Century]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2012, pp. 95–114 (in Russ.).
19. Nikolai F.V. Cultural Memory in a Consumerist Society: Review of M. Sturken's Work, *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2014, issue 47, pp. 251–256. Available at: <https://roii.ru/r/1/47.17> (accessed 04.07.2024) (in Russ.).
20. Cole T. *Selling the Holocaust: From Auschwitz to Schindler: How History Is Bought, Packaged and Sold*. New York, Routledge Publ., 1999, 214 p.
21. Haggard H.R. *A Winter Pilgrimage: Being an Account of Travels Through Palestine, Italy, and the Island of Cyprus, Accomplished in the Year 1900*. London, New York, Bombay, Longmans, Green, and Co. Publ., 1901, 355 p.
22. Golovashina O.V. Back to Representations: In Search of Grounds for Collective Memory, *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 59–83. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-3-59-83 (in Russ.).
23. Inscription: Hiroshima Peace Memorial (Genbaku Dome) (Japan): Decision 20 COM VIII.C, *UNESCO. World Heritage Convention*. Available at: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2997/> (accessed 04.07.2024).
24. Auschwitz Birkenau German Nazi Concentration and Extermination Camp (1940–1945), *UNESCO. World Heritage Convention*. Available at: <http://whc.unesco.org/en/list/31> (accessed 04.07.2024).
25. Hiroshima Peace Memorial (Genbaku Dome), *UNESCO. World Heritage Convention*. 2018, August 6. Available at: <http://whc.unesco.org/en/list/775> (accessed 04.07.2024).
26. The Criteria for Selection, *UNESCO. World Heritage Convention*. Available at: <https://whc.unesco.org/en/criteria/> (accessed 04.07.2024).
27. *Posetite Pol'shu* [Visit Poland]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ., no. 17126.
28. Theme Index Report 2022, AECOM. Available at: <https://aecom.com/theme-index/> (accessed 04.07.2024).
29. News. 1 Million 670 Thousand People Visited the Memorial in 2023. *Memorial and Museum Auschwitz Birkenau. Former German Nazi Concentration and Extermination Camp*. 2024, January 3. Available at: <https://www.auschwitz.org/en/museum/news/1-million-670-thousand-people-visited-the-memorial-in-2023,1663.html> (accessed 04.07.2024).
30. Hiroshima Peace Memorial (Atomic Bomb Dome), *Japan National Tourism Organization*. Available at: <https://www.japan.travel/en/spot/2202/> (accessed 04.07.2024).
31. Witek-Malicka W. Fact-Checking "The Tattooist of Auschwitz", *Memoria: Memory. History. Education*, 2018, no. 14, pp. 6–17. Avail-

- able at: <https://viewer.joomag.com/memoria-en-no-14-11-2018/0766192001543510530> (accessed 04.07.2024).
32. Mamayev Kurgan Memorial Complex “To the Heroes of the Battle of Stalingrad”, *UNESCO. World Heritage Convention*. Available at: <https://whc.unesco.org/en/tentativelists/5936/> (accessed 04.07.2024).
 33. Andreeva O.V. The Great Patriotic War in the Historical Memory of Russia, *Rossiya v voynakh i lokal'nykh voennykh konfliktakh XX — nachala XXI v.: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sterlitamak, 28 sentyabrya 2018 g.)* [Russia in Wars and Military Conflicts of the 20th and Early 21st Centuries: Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference (Sterlitamak, September 28, 2018)]. Sterlitamak, Sterlitamaskii Filial BashGU Publ., 2018, pp. 5–11 (in Russ.).
 34. Venediktova L.N. *Kontsept “voina” v yazykovoi kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliiskogo i russkogo yazykov)* [The Concept of “War” in the Linguistic Picture of the World (Comparative Study Based on the Material from English and Russian Languages)], Cand. philos. sci. diss. abstr. Tyumen, 2004, 20 p.
 35. Baranova V.A., Dontsov A.I. Collective Memory of Events of Russia of the 20th Century in the Modern Russian Society, *Chelovecheskii kapital* [Human Capital], 2017, no. 11 (107), pp. 76–82 (in Russ.).
 36. Dulina N.V. Cultural Memory as a Mechanism of Identification in the Socio-Cultural Space of the City (On the Example of Volgograd), *XXII Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Natsional'nye proekty i sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 17–18 marta 2020 g.)* [The 22nd Ural Sociological Readings. National Projects and Socio-Economic Development of the Ural Region: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, March 17–18, 2020]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 2020, pp. 404–408 (in Russ.).
 37. Trigg D. *The Memory of Place: A Phenomenology of the Uncanny*. Athens, Ohio University Press Publ., 2012, 347 p.

НОВИНКА

Культурология в условиях вызовов XXI века: новые тренды в образовании : монография / О.Н. Астафьева, Н.Б. Кириллова, О.В. Шлыкова [и др.] ; научный редактор Н.Б. Кириллова ; Министерство науки и образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2024. 242 с.

В коллективной монографии рассматриваются теоретические и прикладные аспекты культурологии как науки и учебной дисциплины в системе общих проблем гуманитарного знания. Глобализация и цифровизация как главные вызовы XXI в. трансформировали всю систему высшего образования, способствуя появлению в его структуре новых направлений, которые влияют на его аксиологическую, онтологическую, мировоззренческую функции.

В книге три раздела, каждый из которых дополняет и логично продолжает предыдущий. В первом разделе рассматриваются векторы культурологического образования в эпоху глобальных трансформаций. Осмысление новых подходов к вопросам культурной политики современной России (О.Н. Астафьева) позволяет выявить динамику культурологического образования через анализ его аксиологической и мировоззренческой функций (О.В. Шлыкова), а также проблемное поле современного культурологического знания (Н.Б. Кириллова). Особое место в первом разделе занимают вопросы сохранения культурно-исторической памяти в контексте изучения *memory studies* (Н.Г. Федотова) и роль народной художественной культуры в системе современного образования и воспитания (С.А. Ситникова).

Во втором разделе в центре внимания исследователей – вопросы изучения искусства и новых цифровых технологий в системе современного гуманитарного образования в вузе.

Объект исследования в третьем разделе – социальные практики в культурологическом измерении. Здесь рассматриваются реалии жизни современного музея как фактора сохранения культурной памяти и новой модели коммуникации (П.А. Ляпустина, Н.Б. Кириллова), репрезентация археологического наследия в общественном сознании на примере культурного памятника III–II тысячелетия до н. э. Аркаим (Л.Б. Зубанова), региональная культура в контексте сохранения историко-культурного наследия и развития позитивной гражданской идентичности (И.Я. Мурзина), роль традиционного народного искусства и способы его продвижения (Л.В. Резанов).